
КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.И. Чиркочева

Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ
Северо-Восточный Федеральный университет
ул. Кулаковского, 42, Якутск, Россия, 677016

Статья посвящена проблеме изучения категории принадлежности (КП) в функциональном аспекте.

Ключевые слова: категория принадлежности, аффиксы принадлежности, происхождение аффиксов, изафетная конструкция, способы выражения категории принадлежности, личные местоимения, субъект обладания, множественность.

Несмотря на обширную территорию распространения тюркских языков, КП присуща всем языкам этой группы. Хотя понятие «принадлежность» (П) свойственно носителю любого языка, оно передается в каждом отдельном языке различными способами. Способы выражения КП были определены еще в трудах первых тюркологов А.М. Казембека, О.Н. Бетлингга, С.В. Ястремского, Н.Ф. Катанова, В.В. Радлова и других. В работах по грамматике тюркских языков различают морфологический, синтаксический и смешанный, т.е. синтаксико-морфологический способы выражения КП [1. С. 38—40]. При этом тюркские исследователи придерживаются различных мнений. Одни авторы указывают лишь на два способа, другие же отмечают, что КП образуется 2—3 и даже 4-мя различными путями. В преобладающем большинстве тюркских языков основным способом выражения КП является морфологический способ, который передается с помощью особых морфем, так называемых аффиксов принадлежности (АП), присоединяемых к основе существительного и дифференцирующихся по лицам и обозначающих предметные отношения. При этом лексическое значение соответствующего слова не меняется, т.к. АП рассматривается как словоизменительная форма.

АП были свойственны тюркским языкам еще в глубокой древности. Состав АП в тюркских языках приблизительно одинаковый, и эта общность распространяется также и на якутский язык. Формы П в тюркских языках подразделяются на три группы: 1) АП 1 л. ед. и мн.ч.; 2) АП 2 л. ед. и мн.ч.; 3) АП 3 л. ед. и мн.ч.

АП в тюркских языках имеют тесную связь с формами личных местоимений. Между ними могут существовать взаимоотношения двоякого рода, а именно: либо личные местоимения являются первичными, а АП — производными формами, либо, наоборот, развитие АП предшествовало развитию личных, и последние примкнули к ним впоследствии. Развитие АП из личных местоимений может произойти: 1) путем простого сокращения и редукции звуков; 2) из падежных форм личного местоимения и притом в подавляющем большинстве случаев из форм родительного падежа; 3) из самостоятельной формы слова.

Как известно, вопрос о происхождении АП в тюркских языках до настоящего времени продолжает привлекать внимание лингвистов. Н.К. Дмитриев определил, что «аффиксы 1 и 2 л. ед. и мн. чисел имеют отношение к личным местоимениям,

но восходят к ним через неизвестные нам посредствующие звенья» [2. С. 32]. Э.В. Севортян считал, что «из посессивных аффиксов более ясен по своему составу аффикс 1 лица множественного числа *myz/byz*, восходящий вместе с аффиксами сказуемости того же лица и числа к личным местоимениям *biz/miz*. Происхождение остальных аффиксов принадлежности остается неясным» [1. С. 42]. Идеи местоименного происхождения АП придерживаются А.Н. Кононов, А.М. Щербак, В. Котвич и др. [3. С. 87; 5. С. 98; 4. С. 167].

«Широкое значение П и известное обособление АП 3-го л. является весьма существенными для понимания грамматической природы КП в целом» [6. С. 31]. Итак, что касается происхождения АП 3-го л., то отсутствие внешнего тождества между АП 3-го л. в якутском языке (*-a, -ta*) и АП в тюркских языках (*-ы, -сы*) явилось причиной того, что вопрос о происхождении аффиксов 3-го л. в якутском и в других языках тюркской группы все еще остается спорным. По этому поводу существуют различные гипотезы, основанием которых стало наличие формы *-сын*, употребляемая в косвенных падежах. Именно превращение в определенной позиции АП 3-го лица, состоящего из одного гласного звука, в аффикс *-сын* способствовало возникновению различных версий о происхождении АП 3-го лица.

В своей работе С.А. Велиев пришел к выводу, что «аффикс принадлежности 3-го лица произошел от местоимения *ол (ан)*. Элемент *н*, дополнительное употребление которого в различных позициях отмечалось выше, восходит к согласному *л (н)*, входившему в местоимения *ол (он)*» [7. С. 64]. Таким образом, если посмотреть на КП с точки зрения местоименного происхождения АП, то можно утверждать, что выражение КП образовалось не каким-либо одним способом, а носит следы всех трех вышеуказанных путей. Однако выражение КП с помощью аффиксов соответствует первому способу, т.е. АП тюркских языков суть не что иное, как редуцированные, сокращенные личные местоимения. Процессы образования понятия П протекали следующим образом: первоначально понятие личной принадлежности как в якутском, так и в других языках тюркской группы выражалось личными местоимениями: *мин (я)*, *эн (ты)*, *биһиги (мы)*, *эһиги (вы)*, которые ставились за определяемым и первоначально отдельно от него: *ат (конь) мин (я) — ат мин (букв. конь я (мой))*. В процессе языкового развития эти личные местоимения в роли определения подверглись сильному влиянию определяемых ими слов, с которыми они сливались, постепенно становясь их аффиксами. Таким образом, они теряли связь с употребляющимися самостоятельно личными местоимениями. В тюркских языках эта связь между личными местоимениями и АП не совсем утрачена и до настоящего времени, хотя сами говорящие уже не ощущают связи с личными местоимениями и АП.

Допуская, что пути образования АП 1 и 2-го лиц в якутском языке типологически близки к образованию подобных аффиксов в других тюркских языках, следует подчеркнуть, что они существенно отличаются от АП других тюркских языков: в форме 1-го л. мн. ч. вместо общетюркского *-быз* употребляется *-быт*, 2-го л. мн. ч., вместо *-сыз* - *5ыт*. Что касается АП 3-го л., можно отметить, что в якутском языке вместо признанного общетюркского *-ы, -сы* употребляется *-а, -та*, во мн. ч. *-а* присоединяется после *-лар*. Можно предположить, что показатели

3-го л. в якутском языке являются результатом дальнейшего развития общетюркского *-ы, -сы*. В якутском языке АП так же, как и личные местоимения, выражают понятия *мой, твой, его* и т.п. Так, вместо *мин дьизэм (мой дом)*, употребляется только *дьизэм*, что также означает *мой дом*, причем именно последняя форма встречается более часто как в литературном языке, так и в разговорной речи. Общее грамматическое значение словоформы *дьизэм (мой дом)* охарактеризовано посредством АП *-м*, иными словами, якутские АП в различных синтаксических функциях соответствуют по своим смысловым значениям личным местоимениям, иногда лично-возвратным местоимениям.

Итак, КП в якутском языке и в других тюркских языках находит свое непосредственное выражение в АП. Выбор варианта аффикса в пределах каждого числа определяется типом основ слов и их вокальным составом в соответствии с законами гармонии гласных. Так, в ед. ч. при присоединении АП к основам, оканчивающимся на согласные, перед АП вставляется соединительный гласный. Поэтому нетрудно заметить, что АП после основ, оканчивающихся на согласный, имеют по четыре фонетических разновидности.

Лично-притяжательный аффикс 1-го л. ед. ч. в якутском языке имеет два фонетических варианта: после основ, оканчивающихся на гласный, имеет форму *-м*, после основ на согласный *-(ы)м*. Для АП 1-го л. ед.ч. характерно лексическое и фонетическое тождество с личным местоимением в основном падеже того же лица *мин (я)*, которое в сочетании с именем с АП 1-го л. ед. ч. обозначает понятие *мой*: *мин атым (мой конь)*. «В зависимости от синтаксической позиции в предложении — атрибутивной, субъектной — личное местоимение *мин (я)* характеризуется значением субъекта обладания или грамматического субъекта (говорящего)» [8. С. 19]. *Мин оҕом кэллэ (мой ребенок пришел — мин (мой))* является определением к слову (определяемому) *оҕо (ребенок)*. Функциональное значение местоимения *мин (мой)* — соотносится со значением соответствующего АП 1-го л. ед. ч. *-м, -(ы)м*. Таким образом, как АП 1-го л. ед.ч. *-м*, так и местоимение *мин* в значении *мой* оказываются в целом взаимосвязанными. В стилистическом плане употребление личного местоимения имеет ограниченный характер. Первое — местоимение *мин* в значении *мой* встречается преимущественно в специализированном применении, в книжной речи, второе — АП в составе слова — в разговорной речи.

АП 2-го л. ед. ч. в семантическом плане соотносительны с личным местоимением в основном падеже того же лица. Как известно, местоимение *эн (ты)* — это не только специальный показатель адресата речевого акта, но и выразитель субъекта высказывания. Местоимение *эн (ты)* употребляется в паре с *мин (я)* в определенных диалогических структурах. А также местоимение *эн* в якутском языке выражает понятие *твой*, выступая в роли определения в предложении. В нижеприведенных примерах местоимение *эн (ты)* употребляется в выражении субъекта — говорящего и как компонент диалогической речи. Вторая функция местоимения *эн* — это роль определения *твой* — может быть выражено АП 2-го л. ед. ч. *-ң, -ың* при опущении местоимения *эн (ты)* в значении (твой): *Эн оҕоң туйгуннук уөрэнэр (Твой ребенок учится отлично). Оҕоң туйгуннук уөрэнэр (Твой ребенок*

учится отлично). Аффикс *-н* выражает понятие *эн* (твой). Он имеет широкое употребление.

АП 1-го л. мн. ч. после любой основы имеет форму *-быт*. Сравнимая АП 1-го л. мн. ч. с личным местоимением того же лица и числа, можно заметить, что они близки по значению. И местоимение, и АП включают в свою семантическую структуру такой компонент, как множественность (М). Для местоимения это означает название не одного лица в его коммуникативной роли, а двух или более. При этом М проявляется менее очевидно, чем в категории числа имен. Но кроме выражения названия лица, местоимение *биһиги* (мы) обозначает определение к определяемому, т.е. понятие П. Аналогичным свойством обладает также АП 1-го л. мн.ч. *-быт*, как и местоимение *биһиги* (мы) в роли определения (*наш*). Эта форма характеризуется значением П. Если в слове *биһиги* в значении *наш* П и М рассматриваются как совокупность, выраженная местоимением *биһиги*, то М и в то же время П именной формы *а5абыт* (*наш отец*) имеет собственно грамматический статус, поскольку он выражается словоизменительным аффиксом *-быт*. Аффикс *-быт* включает в себя также значение местоимения *биһиги* (*наш*), поэтому при опущении местоимения понятие П сохраняется: *Биһиги тиэргэммит ыраас* (*Наш двор чистый*) и *Тиэргэммит ыраас* (*Наш двор чистый*). Это еще раз подтверждает предположение об общности происхождения личных местоимений и АП.

АП 1-го л. мн. ч. и соответствующее ему местоимение *биһиги* в значении «наш» обычно представляется как сочетание мин (я) + эн (ты), мин (я) + кини (он), мин (я) + кинилэр (они), мин (я) + эһиги (вы). В предложении *А5абыт кэллэ* (*Наш отец пришел*) *-быт* может выражать следующие комплексные значения — семантику двойственного числа:

1) *мин* (мой) и *эн* (твой), (букв. *отец* + *мой* + *твой*);

2) *мин* (мой) и *эһиги* (ваш), (букв. *отец* + *мой* + *ваш*). Если в первом случае выражается определенность и конкретность субъекта *мин* (я) + *эн* (ты), то данное значение предполагает известную неопределенность *мин* (я) + *эһиги* (вы);

3) *мин* (мой) и *кини* (его). Выражается конкретный субъект (говорящий) и объект речи. Аффикс *-быт* в этом случае выражает совмещенно и говорящего и аффикса 3-го лица, который по представлению говорящего является одновременно и объектом речи, и ее грамматическим субъектом;

4) *мин* (мой) и *кинилэр* (их). Речь идет о таком случае, когда говорящий объединяет себя с той или иной группой лиц. Аффикс *-быт* выражает понятие П.

АП 2-го л. мн. ч. имеет форму *-5ыт*. Личное местоимение *эһиги* в значении (*ваш*) и соответствующая форма П 2-го л. мн. ч. характеризуются в отличие от местоимения и аффикса ед. ч. более конкретным значением. В предложении *А5абыт кэллэ* (*Пришел ваш отец*) или *Эһиги а5абыт кэллэ* (*Пришел ваш отец*) местоимение *эһиги* может выражать: 1) значение *эн* + *эн* + *эн...* (*твой* + *твой* + *твой...*); 2) значение *эн* + *кини* (*твой* + *его*); 3) значение *эн* + *кинилэр* (*твой* + *их*). При отсутствии местоимения *эһиги* (*ваш*) это значение передается АП *-5ыт*: *А5абыт кэллэ* (*Пришел ваш отец*).

В якутском языке АП 3-го л. ед. ч. после основ на гласный имеет форму *-та*, а при основах с согласным *-а*: *ийэтэ* (*его мать*), *ата* (*его конь*). АП 3-го л. мн. ч. после всех основ имеет форму *-а*, так как он присоединяется к аффиксу М *-лар*: *оболоро* (*их дети*), *аттара* (*их кони*). Личное местоимение 3-го л. ед. ч. *кيني* в роли определения приобретает значение *его* (*ее*): *кيني саата* (*его ружье*), *кيني ийэтэ* (*его мать*). АП 3-го л. *-а*, *-та* имеет идентичное с ним значение: *А5ата ханна эрэ барбыта* (*Его отец куда-то ушел*).

Аффиксальный способ КП объединяет две разновидности: во-первых, употребление одного имени с АП; во-вторых, употребление имени с АП и с предваряющим его именем в основном падеже. Первая особенность встречается обычно в 1 и 2-м лицах. Присутствие местоимения здесь необязательно: *Ийэм, бырааттарым туох эрэ дишлэр* (*Что же скажут моя мать, мои братья*). Второй тип П отличается от первого тем, что обычно он служит для выражения терминированных понятий: *саха тыла* (*якутский язык*), *муора кыыла* (*морской зверь*), *остуол оонньуута* (*настольные игры*). На русский язык первый компонент подобных сочетаний переводится прилагательным, а не существительным. Вторым членом выступает притяжательное слово, которое может принять аффиксы падежей. Итак, второй член изафетной конструкции (ИК) (определяемое по принадлежности), обычно выраженный именем существительным, «всегда имеет соответствующий АП, который указывает на лицо и число первого члена конструкции» [8. С. 9]. Отсюда следует, что морфологическая обусловленность функции первого члена ИК в якутском языке выполняют не столько местоимения, сколько притяжательные форманты при существительных, обозначающих предмет обладания. Это подтверждается и тем, что первый член ИК довольно часто опускается. В этом случае единственным показателем лица и числа субъекта обладания является АП второго члена ИК.

Употребление первого члена ИК в роли определения по принадлежности чаще всего диктуется необходимостью особо подчеркнуть П данного предмета какому-то определенному лицу. Опущение первого члена ИК оказывается вполне возможным в тех случаях, когда выражается первый член личными местоимениями 1 и 2-го лица, т.е. их отсутствие компенсируется АП указанных форм. Как уже отмечалось, практически реже встречается опущение первых членов притяжательных словосочетаний, когда они выражаются личными местоимениями 3-го лица. Это объясняется тем, что ИК с АП 3-го лица в предложении может быть несколько, и при отсутствии первого компонента допустима непонятность употребления притяжательной формы. Основную роль в выражении лица и числа субъекта обладания играют лично-притяжательные аффиксы, а не первый член конструкции. Для того, чтобы правильно понять природу КП как морфологической категории, прежде всего следует определить характер выражаемого им значения. В основном под значением П понимаются такие отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому или является его органической частью.

Таким образом, при рассмотрении способов и средств выражения КП следует учитывать следующие обстоятельства: 1) грамматический статус данного способа

(морфологический, синтаксический); 2) широкую распространенность в языке; 3) какими частями речи он выражается. В ИК если АП является обязательным элементом, то его лексический эквивалент выступает в качестве факультативного компонента. Казалось бы, ИК характерны в любых условиях, однако это не всегда имеет место, поскольку они выражают определенность. Следует отметить, что в якутском языке ИК, являясь одним из основных средств выражения определенности, функционируют активно, например, при обозначении им терминов родства, части тела и т.п. Так, значение принадлежности представляет собой конкретную реализацию данной категории.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Севортыян Э.В.* Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956.
- [2] *Дмитриев Н.К.* Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956.
- [3] *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л., 1960.
- [4] *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. — М., 1962.
- [5] *Щербак А.М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов 10—13 вв. из восточного Туркестана. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- [6] *Иванов С.Н.* К истолкованию категории принадлежности // Советская тюркология. — 1973. — № 1. — С. 26—32.
- [7] *Велиев С.А.* К истории образования аффикса принадлежности 3 лица // Советская тюркология. — 1985. — № 6. — С. 57—64.
- [8] *Ефремов Н.Н.* Полупредикативные конструкции в якутском языке: структурно-семантическое описание. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.

THE CATEGORY OF POSSESSIVITY IN THE YAKUT LANGUAGE

D.I. Chirkoeva

The faculty of the Yakut language
The Institute of languages and cultures
of the North-East peoples in the Russian Federation
North-Eastern Federal University
Kulakovskogo str., 204-42, Yakutsk, Russia, 677016

The article is concerned with the research of the category of possessivity in the functional aspect.

Key words: the category of possessivity, possessive affixes, origin of affixes, possessive construction, means of expression of the category of possessivity, personal pronouns, possession subject, multiplicity.